политология

УДК 32:316.482

DOI: 10.17223/1998863X/58/19

А.В. Алейников, А.Н. Сунами

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: КЕЙС ФСКН РОССИИ

Рассматриваются используемые типичные политические стратегии реагирования на наркоугрозу — «депроблематизации ситуации», «декларации бессилия», «затрат», «опровергающих историй». Раскрываются практики мотивации механизма принятия политических решений в сфере управления наркоситуацией. Анализируются российский опыт реализации моделей антинаркотической политики и последние реформы государственного антинаркотического управления в России.

Ключевые слова: государство, антинаркотическое управление, наркоситуация, политические стратегии.

Дискуссии в мировой и отечественной науке по поводу оборота и потребления наркотиков имеют довольно долгую историю. Феномен наркопотребления неоднократно концептуализировался в рамках различных философских, политико-экономических и социологических подходов. Тем не менее проблемам практик мотивации механизма принятия политических решений в сфере управления реальной наркоситуацией до сих пор уделяется явно недостаточно внимания.

Актуальности теме добавляет и то обстоятельство, что уровень наркопотребления в России является индикатором стабильности и эффективности социально-политического порядка, определенным элементом процесса политической легитимации власти, призванной поддерживать общественный порядок и безопасность.

Символическое структурирование границ наркопотребления в условиях, когда «разнообразные социальные наркопрактики в современном российском обществе приобретают институциональные характеристики» [1. С. 68], трансформируется в дискурс политической легитимации «потребителей наркотиков, озабоченных формированием таких механизмов саморегуляции при употреблении, которые позволяли бы оставаться не только "социально сохранным" в семье и на работе, но и быть успешным человеком» [2].

В ряде исследований утверждается, что о распространенности потребления тяжелых наркотиков (опиатов) Россия во второй половине 2000-х гг. занимала третье место в мире, уступая только Афганистану и Азербайджану и опережая по этому показателю США – в 2,5 раза, Великобританию – в 1,8, Францию – в 2,9 и Китай – в 5,6 раза.

Влияние потребления наркотиков на уровень показателя DALY (оценка совокупного негативного воздействия заболеваний на продолжительность

жизни и длительность трудоспособного возраста) в России в 2–3 раза выше, чем в США, Западной Европе, Японии и Китае [3. С. 115].

Определенная амбивалентность российской антинаркотической политики связана в том числе и с особенностями восприятия политическими акторами общественного антинаркотического дискурса (мировоззренческого и репрессивно-технологического).

Из табл. 1 хорошо видно, что более половины российских респондентов не выразили оптимизма по поводу эффективности борьбы с наркоугрозой, отмечая увеличение за последние годы числа зависимых от наркотиков, а на вопрос о сокращении числа наркоманов положительно ответили только 18%.

По вашему мнению, в России за последние несколько лет людей, принимающих наркотики, стало								
больше, меньше или их столько же, сколько было раньше? (Закрытый вопрос, один ответ, %)								
Вариант ответа	Все опро-	Есть знакомые,	Возможно, есть знакомые,	Нет знакомых,				
		употребляющие	употребляющие наркотики,	употребляющих				
	шенные	наркотики	но точно не известно	наркотики				
Стало больше	52	68	48	50				
Осталось								
столько же	13	11	14	14				
Стало меньше	18	15	23	18				
Затрудняюсь								
ответить	17	6	15	18				

 $\it Tаблица~1.$ Мнения россиян о динамике численности зависимых от наркотиков, 20–21 июня 2017 г., %

Комментируя данные упомянутого опроса ВЦИОМ 2017 г., К. Родин отмечает, что «мы видим, что в обществе растет запрос к государству на формирование набора конкретных мер по профилактике и борьбе с наркоманией, и это устойчивый тренд на протяжении уже более 10 лет. Рост обеспокоенности в первую очередь связан с тем, что россияне в подавляющем большинстве говорят об усилении тенденции по распространению этого явления. Неудивительно, что в данной ситуации формируется установка на ужесточение мер вплоть до введения уголовной ответственности за употребление наркотиков» [4].

Базовым фактором, влияющим на приобретение антинаркотической политики стратегического измерения, является видение политическими акторами субстанциональных ценностных оснований восприятия обществом и элитами проблемы наркотизма. Фиксируя особенности процесса современной институционализации наркопрактик, ряд исследователей отмечают в России рост «серого поля» наркозависимых, умеющих маскировать потребление, являющееся в общественном мнении «личным делом каждого», распространение в СМИ идентификационных моделей позитивного отношения к наркопрактикам и наркодизайнерским экспериментам с так называемыми легкими наркотиками, появление новых моделей «статусного» и «рекреационного», «безопасного» наркопотребления при социальном безразличии к производству и распространению наркотиков [5].

Здесь важно заметить, что «новая российская элита» всегда стремилась к созданию «специальных пространств для неформальных переговоров, торгов, соглашений, принятия решений. В практике остались старые — баня, охота, рыбалка, но возникли и новые — элитные клубы» [6. С. 36]. Неслучайно социологи фиксируют специфический социальный состав субъектов статусного

(представители верхнего среднего класса, состоятельные люди, «золотая молодежь») и рекреативного наркопотребления (молодежь, работающие профессионалы) [7. С. 137].

Однако показательны в этом отношении данные (табл. 2), четко свидетельствующие о негативной реакции населения на предложения о легализации некоторых наркотиков и разрешении их свободной продажи и употребления.

Tаблица~2. Мнения россиян о возможности легализации реализации «мягких» наркотиков, 20-21 июня 2017 г., %

Существует точка зрения, что слабые, «мягкие» наркотические вещества не опасны для здоровья и могут также свободно продаваться и употребляться, как табак и алкоголь. Согласны ли вы с этим								
и могут также свооодно продаваться и употреоляться, как таоак и алкоголь. Согласны ли вы с этим или нет? (Закрытый вопрос, один ответ, %)								
Вариант ответа	2004 г.	2010 г.	2014 г.	2017 г.				
Скорее согласен	9	7	7	6				
Скорее не согласен	85	90	89	93				
Затрудняюсь ответить	6	3	4	1				

Примечание. Источник: [4]

С. Хилгартнер и Ч. Боск сформулировали важный методологический посыл: «Социальным проблемам (и функционерам, которые их выдвигают и поддерживают) приходится конкурировать в ходе этих взаимодействующих процессов как за то, чтобы быть включенными в публичную повестку дня, так и за то, чтобы остаться в ней. Успех или неудача в этой борьбе необязательно связаны непосредственным образом с числом людей, которых затрагивает проблема, степенью вреда (измеряемой посредством определенного набора критериев) или какими-либо другими независимыми переменными, которые, как предполагается, являются показателями важности проблемы» [8. С. 78].

В их известной концепции публичных арен определены требования, которым должна соответствовать социальная проблема для того, чтобы быть в «повестке дня» – интенсивная конкуренция за основное пространство, потребность в драматичности и новизне, опасность насыщения, ритм организационной жизни, культурные акценты и политические пристрастия.

Надо сразу же отметить, что подходы, к которым прибегают страны с тем, чтобы справиться с проблемой наркотиков, остаются весьма разнообразными. Все реализуемые в различных странах типы антинаркотической политики принято сводить в три группы. К первой можно отнести «жесткую политику абсолютной нетерпимости» активного вмешательства государства в наркоситуацию, при которой законодательство в отношении распространителей наркотиков максимально ужесточено, и к ним применяются самые суровые репрессивные средства, вплоть до смертной казни. Ко второй группе «жесткого контроля» относятся государства, осуществляющие строгий надзор за оборотом наркотиков, но без крайних мер. И, наконец, «либеральная» модель, основанная на том, что в отношениях между властями и подданными наркопотребление является личным делом индивида, а моральные и социальные границы легитимного и нелегитимного удовольствия изменены, нацелена на «уменьшение вреда» наркотиков посредством легализации некоторых (так называемых легких, социально одобряемых) из них и разработку программ снижения отрицательных последствий употребления «наркотиков неприемлемого риска» [9; 10. C. 50–57].

В трактовке политических стратегий в сфере наркопотребления мы опираемся на исследовательскую программу Питера Ибарры и Джона Китсьюза [11. С. 55–114], опираясь на которую можно выделить стратегии «депроблематизации ситуации», «декларации бессилия», «затрат», «опровергающих историй». Рассмотрим их более подробно.

Типичная политическая стратегия «депроблематизации ситуации», в сущности, блокирует активное исправление наркоугрозы («государство не может заставлять человека»).

Так, М. Фридман еще в 1991 г. утверждал, что по всем аспектам проблематики наркопотребления добавить что-то новое уже трудно, а единственным вопросом, не вызывающим возражений, является необходимость дополнительного финансирования на соответствующие исследования [12. P. 53–67].

Одна из распространенных стратегий — «декларация бессилия». Примером является позиция общественной «Глобальной комиссии по вопросам наркополитики»: «война с наркотиками проиграна с разрушительными последствиями для личности и общества по всему миру» [13]. Однако такой вывод вряд ли может считаться вполне убедительным и вызывает по меньшей мере удивление. В частности, в некоторых скандинавских странах, чей опыт, основанный на запрете потребления, давно заслужил высокую оценку мирового сообщества [14].

Для «стратегии затрат» характерны несколько иные положения. Так, осуществляя социально-экономическую реконструкцию политико-управленческих задач «безопасной наркополитики», известный американский экономист либертарианского направления Б. Пауэлл пытается доказать, анализируя издержки «войн» с производителями, поставщиками и потребителями наркотиков, что они дают противоположный эффект, а запреты не сокращают уровень насилия [15]. Таким образом, исходная точка фокусируется на тезисе о том, что выгоды не компенсируют издержек запрета на наркотики, а «драконовские меры» безжалостных репрессий не только неблагоразумны, но и недальновидны.

Многочисленные сторонники «стратегии опровергающих историй», которую П. Ибарра и Д. Китсьюз иллюстрируют следующим примером: в ответ на утверждение о том, что курение – это проблема, поскольку вызывает рак, могут ответить: «Мой дед выкуривал по две пачки сигарет в день и дожил до 80 лет», - ссылаются на опыт Португалии. Там впервые в 2001 г. по всей стране были созданы государственные центры по детоксикации и психологической реабилитации наркозависимых, декриминализированы все виды наркотиков, а «комиссиям по разубеждению» предоставлено право принимать за хранение превышенного количества запрещенного вещества ряд административных мер – от штрафа и лишения государственных пособий до запретов занятия должностей, предполагающих ответственность за чужую жизнь, и выезда за рубеж. В результате в разы сократилось количество случаев заболевания ВИЧ среди наркоманов, смертей от наркотиков и уголовных дел, связанных с наркопреступлениями. «Бюджетный маневр» позволил перенаправить средства от силовых мер (время и ресурсы правоохранительных органов) на развитие реабилитационных и заместительных программ, что, по мнению ряда исследователей, привело к очень важному результату - сокращению наркопотребления в ключевой возрастной прослойке от 15 до 24 лет [16]. В последнее время основным трендом развития западной наркополитики считается переход от действий, направленных на сжимание наркорынка, к политике его регулирования с целью «снижения вреда» [17. С. 382].

Проецируя упомянутые модели антинаркотической политики на российский опыт, С.Н. Смирнов утверждает, что «Россия и в предметном поле незаконного оборота и потребления наркотиков, как и во многих других предметных полях социально-экономической жизни, не имеет некоторого "типового" лица» [18. С. 106–107].

Есть все основания полагать, что основной проблемой институционализации антинаркотической политики в России является неотфиксированность и непостоянство ее вектора, включая неустойчивость институциональной среды и организационных структур.

Указывая на различие двух форм государственной власти (деспотической и инфраструктурной), Майкл Манн связывал вторую со способностью государства к проникновению в гражданское общество, к его координации своей инфраструктурой [19].

Кейс, который мы собираемся здесь разобрать, является скорее вариантом демонстрации обратной практики, которую можно обозначить как *проблематизация очевидностии*. В случае борьбы с наркотиками это выразилось в стратегии алармизма, привело к формированию восприятия реальной наркопроблемы как ценностного противостояния. Данный сюжет имеет принципиальное значение для понимания процессов антинаркотического управления в России.

5 апреля 2016 г. Указом Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» была упразднена Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков (далее ФСКН России), а ее функции были переданы в МВД РФ, где образовано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков. Тем самым очередная страница в истории развития российской антинаркотической политики была перевернута.

Образование в 2003 г. Государственного комитета РФ по контролю за оборотом наркотиков (прежнее название Службы) стало одним из ключевых моментов в дизайне новой антинаркотической политики Президента В.В. Путина.

Ставшая, согласно этому решению, главным координатором борьбы с наркотиками в стране, новая структура все последующие годы определяла сущность государственной политики в отношении решения проблем, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Соответственно, упразднение ФСКН России в определенном смысле должно означать, что служба не справилась с той ролью, которая была ей отведена. В то же время следует отметить, что за прошедшее с момента упразднения ФСКН России время это событие, по существу, так и не было осмыслено.

Между тем облик новой антинаркотической политики так до конца и не определен. Необходимо отметить, что образование и упразднение ФСКН России нельзя рассматривать вне контекста общего исторического развития антинаркотической политики в постсоветскую эпоху. Как мы уже показывали

в ряде предыдущих работ [20], антинаркотическая политика относится к такому виду направлений государственной политики, которую невозможно осуществлять силой одного или двух близких по функциям ведомств. Примечательно, что с момента своего образования ФСКН России сразу же взяла силовой курс в реализации государственной антинаркотической политики, не стесняясь прибегать к весьма жесткой риторике в отношении как своих оппонентов, так и партнеров по борьбе с наркотиками. Можно вспомнить так называемые кетаминовые дела ветеринаров, ужесточение отпуска обезболивающих препаратов – даже подчас очевидное отсутствие у нарушителей преступного умысла не сказывалось на позиции службы применить жесткие санкции в их отношении. Известно, что подобные политические стратегии в долгосрочной перспективе перестают «быть выгодными: отстранение потенциальных участников от обсуждения общественных проблем, деполитизация последних и несовершенство механизмов обратной связи приводят к тому, что под угрозой оказывается как техническая эффективность использования общественных ресурсов, так и результативность деятельности государства» [21. C. 46].

Также активно ФСКН России проявила себя в борьбе с пропагандой наркотиков, что и выразилось в претензиях к издательствам (например, «Амфора» и «Ультра-культура»), которые опубликовали книги, содержавшие, по заключениям экспертов, пропаганду наркотиков. Показательные действия службы в данном направлении, в целом законные и по факту справедливые, были исполнены столь топорно и без соответствующей подготовки общественного мнения, что вызвали бурю негодования по этому поводу.

Немаловажным является и своеобразная, говоря языком Т.А. Ван Дейка [22], изначальная «мы-презентация» службы, в качестве которой выступали слова с определенной «правоохранительной» коннотацией: наркополиция, наркополицейские. Таким образом, с самого начала своей деятельности ФСКН России сформировала общественное мнение о себе как об исключительно силовом «репрессивном» органе. Роль службы в осуществлении иных аспектов государственной антинаркотической политики, которая, конечно же, не ограничивается только силовой борьбой с наркобизнесом, практически никак не реализовалась.

Неслучайно в последнее время своего существования руководство службы предпринимало попытки выйти за пределы сформированного образа борца с наркотиками и предложить более авторский проект. Для этого ФСКН России необходимо было значительно либерализовать собственный подход к потребителям наркотиков и мелким сбытчикам – и руководство службы заговорило языком своих недавних оппонентов. Так, директор ФСКН России В.П. Иванов на последних для себя парламентских слушаниях по вопросу законодательства о наркотиках, состоявшихся в декабре 2014 г., отметил, что «в антинаркотической политике государства ярко выражен перекос в сторону карательной, репрессивной функции» [23]. Не увенчавшаяся успехом попытка ФСКН внедрения в традиционное поле Минздрава с Государственной межведомственной программой комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей была последней возможностью избавиться от имиджа исключительно спецслужбы и тем самым уберечь ведомство от расформирования.

Главную роль в этом сыграло то, что служба, задуманная как орган политического управления, практически с самого начала своего существования переродилась в традиционную силовую структуру, представляя собой орган, склонный скорее к жестким решениям и силовым обертонам в администрировании наркополитики, что и предопределило ее упразднение.

Таким образом, политический антинаркотический курс тесно связан с процессами институционализации социальных порядков и, соответственно, относится к решениям, значимым для стабилизации общества.

Литература

- 1. *Агранат Д.Л., Луков В.А., Надточий Ю.Е.* Социальные наркопрактики: Институционализация социальных наркопрактик в современной М.: Моск. гуманит.-социал. академия, 2003. 112 с.
- 2. *Брюно В.В.* Новая волна потребления наркотиков в трансформирующейся России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. URL: http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part15.pdf (дата обращения: 24.07.2018).
- 3. *Урнов М.Ю*. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 114–129.
- 4. *Наркомания* в России: масштаб проблемы, и как с ней бороться? Пресс-выпуск № 3404. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282 (дата обращения: 24.07.2018).
- 5. Позднякова М.Е. Особенности современной наркоситуации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 201–227.
- 6. Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14–54.
- 7. Позднякова М.Е. Наркотики «новой волны» как фактор изменения наркоситуации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 123–139.
- 8. *Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2008. № 2. С. 73–94.
- 9. Тонков Е.Е. Государственная правовая политика противодействия наркотизации российского общества. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 296 с.
- 10. *Виноградова О.Е.* Наркомания: сравнительный анализ социальной политики европейских стран // Социальная политика и социология 2007. № 3. С. 50–57.
- 11. *Ибарра П., Китсьюз Д.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.
- 12. Krauss M.B., Lazear E.P. Searching for Alternatives: Drug-Control Policy in the United States. Stanford: Hoover Institution Press, 1991. 506 p.
- 13. Доклад глобальной комиссии по вопросам наркополитики. URL: http://www.globalcommissionondrugs.org/ wp-content/ themes/gcdp_v1/pdf/ Global_ Commission_ Report_Russian.pdf (дата обращения: 24.07.2018).
- 14. *UNODC*. Sweden's successfully drug policy: A review of the evidence. February 2007. URL: https://www.unodc.org/pdf/research/Swedish drug control.pdf (access date: 24.07.2018).
- 15. Powell B The Economics Behind the U.S. Government's Unwinnable War on Drugs // Library of Economics and Liberty. URL: http://www.econlib.org/library/Columns/y2013/Powell-drugs.html (access date: 24.07.2018).
- 16. *Drug* decriminalisation in Portugal: Setting the record straight. URL: http://idpc.net/publications/2014/06/drug-decriminalisation-in-portugal-setting-the-record-straight (access date: 24.07.2018).
- 17. Сунами А.Н. Конфликт ценностей как социально-философское основание борьбы государства с наркорынком // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 381–388.
- 18. Смирнов С.Н. Наркопотребление в России: неклассический подход // Мир России. 2008. № 3. С. 9–108.
- 19. *Mann M*. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results // European Journal of Sociology. 1984.Vol. 25, № 2. P. 185–213.

- 20. *Сунами А.Н.* Борьба с наркотиками как совокупность социальной, уголовной и антинаркотической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. № 3. С. 262–271.
- 21. *Телин К*. Имитация государственной состоятельности: хищник вместо управленца // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 2. С. 39–61.
- 22. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- 23. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В.П. Иванова на парламентских слушаниях по теме «О совершенствовании законодательства в сфере противодействия незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ», Государственная Дума РФ, Москва, 1 декабря 2014 года. URL: http://gak.gov.ru/includes/periodics/speeches_gak/2014/1201/121833708/detail.shtml (дата обращения: 24.10.2017).

Andrei V. Aleinikov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: a.alejnikov@ spbu.ru

Artem N. Sunami, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: a.sunami@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 206–215.

DOI: 10.17223/1998863X/58/19

POLITICAL STRATEGIES OF ANTI-DRUG MANAGEMENT: THE CASE OF THE FEDERAL DRUG CONTROL SERVICE OF RUSSIA

Keywords: state; anti-drug management; drug situation; political strategy.

The article analyses the practices of motivating political decision making in modern anti-drug management. The authors point out that the drug use level in Russia is one of the actual indicators of political stability and effectiveness of the sociopolitical activity, an element of the political legitimating of power aimed at maintaining public order and security. The authors examine the specifics of the Russian anti-drug policy, the reasons for the strengthening of the public demand to the state for the development of policy measures for the prevention and control of drug abuse, with an emphasis on toughening the measures of responsibility for drug trafficking. The empirical analysis focuses on widespread anti-drug policy strategies for reducing drug use threats. The authors consider various types of the anti-drug policy: (1) repressive type with absolute intolerance and active state intervention in the drug situation, in which the most severe measures are applied, including the death penalty; (2) restrictive type against illicit drug market but without extreme measures; and (3.) liberal model aimed at harm reduction programs for drug users through the legalization of some drugs. Data show typical political strategies for responding to drug threats using in various countries: problematization of the situation, declaration of powerlessness, costs, disproving stories, and so on. The authors substantiate the ambivalence of the Russian anti-drug policy, which is due to the peculiarities of political actors' perception of public anti-drug discourse. The article analyzes the Russian case of the anti-drug strategy selected by the Federal Drug Control Service (FSKN) of Russia, abolished in 2016. The main characteristics of the strategy were alarmism and perception of the real drug problem as a confrontation of values between the Russian society and the international illicit drug market. FSKN of Russia immediately took a power course in the implementation of the state anti-drug policy. Reduction of the state anti-drug policy to the power struggle against drug trafficking has led to the reorganization of FSKN of Russia into a traditional security force unable to significantly influence the level of drug use, which is an indicator of the stability and effectiveness of the sociopolitical order, a certain element of the political legitimization of power designed to maintain public order and security.

References

- 1. Agranat, D.L., Lukov, V.A. & Nadtochiy, Yu.E. (2003) Sotsial'nye narkopraktiki: Institutsionalizatsiya sotsial'nykh narkopraktik v sovremennoy Rossii [Social drug practitioners: Institutionalization of social drug practitioners in modern Russia]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
- 2. Bryuno, V.V. (2012) Novaya volna potrebleniya narkotikov v transformiruyushcheysya Rossii [A new wave of drug use in transforming Russia]. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie* [Sociology and society: global challenges and regional development]. Proc. of the

- Fourth All-Russian Sociological Congress. October 23–25, 2012. [Online] Available from: http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part15.pdf (Accessed: 24th July 2018).
- 3. Urnov, M.Yu. (2014) Rossiya: virtual'nye i real'nye politicheskie perspektivy [Russia: virtual and real political perspectives]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 114–129.
- 4. Wciom.ru. (n.d.) *Narkomaniya v Rossii: masshtab problemy, i kak s ney borot'sya?* [Drug addiction in Russia: the scale of the problem, and how to deal with it]. Press release No. 3404. [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116282 (Accessed: 24th July 2018).
- 5. Pozdnyakova, M.E. (2016) Osobennosti sovremennoy narkosituatsii v Rossii [The drug situation in contemporary Russia]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under Reforms]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 201–227.
- 6. Duka, A.V. (2017) Transformation of the post-Soviet political and administrative elites. *Aktual'nye problemy Evropy Current Problems of Europe*. 2. pp. 14–54. (In Russian).
- 7. Pozdnyakova, M.E. (2013) Drugs of "new wave" as a factor in changing the drug situation in Russia. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika Sociological Science and Social Practice*. 2. pp. 123–139. (In Russian).
- 8. Hilgartner, S. & Bosk, Ch.L. (2008) Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiya publichnykh aren [The growth and decline of social problems: the concept of public arenas]. *Sotsial'naya real'nost'. Zhurnal sotsiologicheskikh nablyudeniy i soobshcheniy.* 2. pp. 73–94.
- 9. Tonkov, E.E. (2004) Gosudarstvennaya pravovaya politika protivodeystviya narkotizatsii rossiyskogo obshchestva [State legal policy of counteracting drug addiction in Russian society]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
- 10. Vinogradova, O.E. (2007) Narkomaniya: sravnitel'nyy analiz sotsial'noy politiki evropeyskikh stran [Drug addiction: a comparative analysis of the social policy of European countries]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 3. pp. 50–57.
- 11. Ibarra, P. & Kitsuse, J. (2007) Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnye resursy [Discourse of making claims and vernacular resources]. In: Yasaveev, I.G. (ed.) *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie* [Social problems: A constructionist reading]. Kazan: Kazan State University. pp. 55–114.
- 12. Krauss, M.B., & Lazear, E.P. (1991) Searching for Alternatives: Drug-Control Policy in the United States. Stanford: Hoover Institution Press.
- 13. The Global Commission on Drug Policy. (n.d.) *Doklad global'noy komissii po voprosam narkopolitiki* [Report of the Global Commission on Drug Policy]. [Online] Available from: http://www. global-commissionondrugs.org/wp-content/themes/gcdp_v1/ pdf/Global_ Commission_ Report_Russian.pdf (Accessed: 24th July 2018).
- 14. UNODC. (2007) Sweden's successfully drug policy: A review of the evidence. February 2007. [Online] Available from: https://www.unodc.org/pdf/research/Swedish_drug_control.pdf (Accessed: 24th July 2018).
- 15. Powell, B. (2013) The Economics Behind the U.S. Government's Unwinnable War on Drugs. *Library of Economics and Liberty*. [Online] Available from: http://www.econlib.org/library/Columns/y2013/Powell-drugs.html (Accessed: 24th July 2018).
- 16. Portugal. (2014) *Drug decriminalisation in Portugal: Setting the record straight*. [Online] Available from: http://idpc.net/ publica-tions/2014/06/drug-decriminalisation-in-portugal-setting-the-record-straight (Accessed: 24th July 2018).
- 17. Sunami, A.N. (2017) Conflict of values as a socio-philosophical basis of state's war on the illicit drug market. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* 33(3). pp. 381–388. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.314
- 18. Smirnov, S.N. (2008) A Non-Classic Approach to Studying Drug Consumption in Russia. *Mir Rossii Universe of Russia*. 3. pp. 9–108. (In Russian).
- 19. Mann, M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results. *European Journal of Sociology*. 25(2). pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239
- 20. Sunami, A.N. (2009) Bor'ba's narkotikami kak sovokupnost' sotsial'noy, ugolovnoy i antinarkoticheskoy politiki [The fight against drugs as a set of social, criminal and anti-drug policy]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 3. pp. 262–271.
- 21. Telin, K. (2018) The Imitation of State-Ness: Predator Instead of Manager. *Sotsiologicheskoe obozrenie Sociological Review*. 17(2). pp. 39–61. (In Russian).
- 22. Van Dyck, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommu-nikatsii* [Discourse and Power]. Translated from English. Moscow: LIBROKOM.

23. Russia. (2014) Speech by the Chairman of the State Anti-Drug Committee, Director of the Federal Drug Control Service of Russia V.P. Ivanov at parliamentary hearings on the topic "On improving legislation in combating the illegal distribution of narcotics and psychotropic substances", The State Duma of the Russian Federation, Moscow, December 1, 2014. [Online] Available from: http://gak.gov.ru/includes/periodics/speeches_gak/2014/1201/121833708/detail.shtml (Accessed: 24th October 2017). (In Russian).